

ИЗ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ

О. С. НАГОРНАЯ

«ПОЛКОВНИК БЕЗЗВУЧНО ЗАРЫДАЛ, СЛЕЗЫ БЫЛИ НА ГЛАЗАХ У ВСЕХ ОФИЦЕРОВ...» КОММУНИКАЦИЯ ЭМОЦИЙ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

В статье реконструируется эмоциональный мир русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны. Предметом изучения является не только сама палитра эмоций, но и способы их медиализации и коммуникации непосредственно за колючей проволокой, а также в российской/советской публичной дискуссии и мемуарах. Особое внимание уделяется нарушениям сложившегося эмоционального гендерного канона и целенаправленному инсценированию чувств с соответствием с общественными ожиданиями.

Ключевые слова: история эмоций, Первая мировая война, русские военнопленные в Германии.

Сегодня «историю эмоций» уже нельзя назвать ни «просто очередным модным течением», ни «выходом из кризиса постмодернистского историописания»¹. Пройдя горнило двадцатилетних методологических дебатов и процесс институционального оформления, данное направление заняло прочное место в ряду культуралистских подходов к изучению социальных и индивидуальных исторических феноменов. Базовым ориентиром для истории эмоций является убеждение в том, что чувства являются культурно обоснованными символическими действиями, которые нарабатываются и инсценируются историческими актерами². Разделяя запас опыта социальной действительности, члены группы вырабатывают совместные чувственные диспозиции, имеющие большое значение для конструирования общественных смысловых систем³. Восприятие и образ эмоционального выражения варьируются в зависимости от историко-культурной основы и манифестируются в различных по длительности, интенсивности и предмету правилах выражения чувств. Эти правила содержат общественные ожидания: кто, какое чувство, в какой момент, как долго и каким способом должен артикулировать⁴.

¹ См.: *Плампер*. 2007. С. 458.

² *Kessel*. 2006. S. 29.

³ *Neckel*. 2006. S. 126.

⁴ *Winkel*. 2006. S. 293.

Несмотря на потенциал подобного подхода к изучению различных аспектов истории «маленького человека», исследование чувств связано с целым рядом методологических проблем, главной из которых является отражение в источнике не самой эмоции, а ее следа. Как отыскать в письменных и визуальных источниках следы индивидуальных, групповых и коллективных эмоций? Как отличить проявления действительных чувств от их инсценировки? Как избежать «самопроецирования историка в исторический документ»⁵.

Одним из катализаторов прорыва эмоционального в письменных источниках послужила Первая мировая война, поставившая под сомнение рациональность человека, в том числе возможность его сознательного контроля над эмоциональной сферой в условиях массированного арт-обстрела, окопной жизни и лагерей военнопленных. При знакомстве с источниками, запечатлевшими судьбу 1,5 млн. русских солдат и офицеров в немецких лагерях военнопленных поражает обилие эмоциональных проявлений и их несоответствие традиционному чувственному канону «прекрасной эпохи» с его гендерными предписаниями. Исходным для нас является предположение, что частота и сила проявления эмоций за колючей проволокой свидетельствует не столько об интенсивном процессе эмоционального приспособления к новой ситуации (ограничению свободы, лишению личного пространства, голоду, принудительному труду, высокой смертности и т.д.), сколько о намеренном инсценировании эмоций и их коммуникации в рамках российской/советской дискуссии о войне и плене в интересах определенной социальной группы.

Эмоциональная палитра лагеря

Попадание в плен, условия содержания в лагерях, почти осязаемое присутствие смерти и неизвестность дальнейшей судьбы неизбежно вызывали у военнопленных чувство страха. Высокая эпидемичность, наличие в пределах лагеря постоянно растущего кладбища порождали опасения, что далеко не все из них увидят родину: «...тяжелое впечатление оставили гробы, во множестве стоявшие в бараках. Как хочется жить! Как не хочется умирать на чужбине в юные годы! А ведь смерть близка...»⁶; «потемневшие деревянные кресты ужасно действовали на психику многих»⁷. Однако примечательно, что страх выражается в косвенных категориях и намек на него встречается в основном при описа-

⁵ О методологических трудностях истории эмоций см.: Greiner. 2009. S. 18–19; Платнер. 2010. С. 35.

⁶ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 817. Л. 6.

⁷ Аскольдов. 1921. С. 30.

нии нового опыта пребывания в плену или переезда в новый лагерь. Монотонность многолетнего существования за колючей проволокой и общественные предписания положенных для заключенных лагерей чувств обусловили преобладание упоминания другой «классической» для отрезанного от внешнего мира пленного эмоции – скуки.

По признанию А. Беллебаума, исследовавшего феномен скуки в многогранности ее проявлений, обитатели «тотальных институтов», природе которых присуща центральная организация и детальная всеохватность распорядка дня, часто используют понятие потерянного, зря прожитого времени, которое нужно перетерпеть и оставить позади. При этом их перестает интересовать будущее, уходит чувство надежды, либо, напротив, возникает чувство нетерпения⁸. В письмах русских военнопленных и статьях лагерных газет помимо прямого указания на скуку встречаются также ее синонимы «тоска» (чаще всего, тоска по родине) и «грусть»: «... весь день валялся на нарах, снедаемый убийственной скукой»⁹; «[лагерные курсы] многих отвлекли от тоски и внесли большую организованность в наш коллектив»¹⁰; «пришлите книг... очень скучно»¹¹; «...скучно и грустно. Эх, доля солдата русской армии хуже собачьей, а до мира далеко, як до солнца»¹²; «тоска по родине свое взяла»¹³. Катализаторами подобного душевного состояния становились репрессии германских властей в форме отмены корреспонденции с Россией: «люди падали духом, ходили как тучи и ни о чем не хотели слышать»¹⁴, а также отправка из лагеря других национальных групп.

Так, в нюрнбергской лагерной газете «Сквозняк» были помещены стихи, «отражающие грусть русских пленных, наблюдающих за частыми отправками союзников.

А русский серый воин на месте точно врос,
Сердечко у бедняги кручиной занялось...
Разлука, ты разлука, чужая сторона...
Сижу я и тоскую с гармошкой у окна¹⁵.

Одним из не столь явно вербализируемых, но с определенной степенью достоверности фиксируемых чувств среди солдат и офицеров в

⁸ См.: Bellebaum. 1990.

⁹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 817. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 812. Л. 4.

¹¹ Там же. Ф. 351. Оп. 1. Д. 178. Л. 90.

¹² Там же. Л. 103.

¹³ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 37. Л. 52.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 351. Оп. 2. Д. 179. Л. 123.

¹⁵ Сквозняк. 1917. № 2.

немецких лагерях являлось ощущение вины за попадание к противнику. В пропагандистских публикациях военного периода под авторством вернувшихся на родину пленных красной нитью проходит стремление объяснить свою пассивность и работу на вражеское государство: «Наверное, у многих возникнет недоуменный и недружелюбный вопрос: “Зачем же пленные работали на врага? Ведь без их работы Германия не могла бы ни дня продолжать войну!” Кто захочет вдуматься в душевное состояние человека, униженного и забитого так, как забиты русские пленные в Германии, тот найдет ответ»¹⁶. Попавший в плен в Августовских лесах А. Успенский вспоминал, что его однополчане тщательно отслеживали в немецких газетах описание боев с их участием и радовались, если враг признавал их заслуги. Это рождало у офицеров надежду, что и в России их подвиг найдет достойное признание, а не осуждение за предательство¹⁷. В результате обысков в саксонских лагерях, где содержалась основная масса окруженной самсоновской армии, у большинства офицеров были обнаружены многочисленные немецкие издания о сражении при Танненберге и причинах неудач русского командования¹⁸. Благодаря распространявшейся на фронте пропаганде попавшие в плен, особенно солдаты, работавшие на немецких предприятиях, были уверены, что после возвращения на родину их ждет ссылка в Сибирь. Наказание казалось настолько неотвратимым, что некоторые рядовые и офицеры уже в середине войны обращались за разрешением остаться в Германии, объясняя свое желание страхом перед расстрелом в России¹⁹. Неизбежность суда на родине предчувствовал пленный командующий 13-го армейского корпуса генерал Н. А. Клюев в разговоре со швейцарскими делегатами Красного Креста²⁰.

И солдаты, и офицеры компенсировали гнетущее ощущение вины выражением обиды на собственное правительство, оставившее их фактически без материальной и политической поддержки: «...с болью и смертельной обидой русские задавали друг другу вопрос: когда же наша очередь наступит? Когда, наконец, уедут наши больные и тяжелораненные?»²¹ Другие выражали свою обиду вспышками гнева и угрозами в адрес административных институтов: «Больше всего меня мучает и возмущает факт, что семьям военнопленных офицеров сокращают со-

¹⁶ Шамурин. 1917. С. 41.

¹⁷ См.: Успенский. 1933.

¹⁸ См.: SaechsHSta, 11352, Stellv.Generalkommando, Nr. 824.

¹⁹ HStA Stuttgart, M 77/2, Bue. 33.

²⁰ Berichte des Herren... 1915.

²¹ Сквозняк. 1917. № 2.

держание... Это не только мое мнение, но и всех окружающих. От всего сердца я желаю матушке [России – *О. Н.*] такую тяжелую болезнь, чтобы все служащие в своих конторах были затравлены и старая фирма была навсегда ликвидирована»²². Ощущение несправедливости, усиленное наблюдением относительно благополучной жизни военнопленных-союзников и немецкой агитацией, выливались в критику не только политической системы в России, но и внешнеполитической линии западноевропейских правительств в целом

«Вы знаете, сколько битв выиграла Франция? нам русским военнопленным кажется, что ни одной. И тем не менее французы получают больше, чем русские военнопленные, в то время как Россия выиграла много битв. Когда мы видим, что едят французские и английские военнопленные – так не питается король Бельгии или Сербии, а русские должны еще мыть за ними чашки. Англичане и французы подбивают Россию на продолжение войны. Когда мы видим, что в России ничего нет, а во Франции и Англии всего много, – пусть они сами сражаются с немцами. Они хотяг завладеть всей Европой, но они этого не получают»²³.

Преобладание негативных переживаний обуславливало частые проявления эмоциональной неустойчивости пленных. Причиной срывов становились длительное отсутствие богослужений, закрытие лагерей в период эпидемий и вызванная болезнями высокая смертность. Религиозные действия, устраиваемые во время Пасхи после спада волны тифа 1915 г. в лагерях или на кладбищах, сопровождалась массовыми рыданиями солдат и офицеров: «Умилению и слезам нашим не было конца»²⁴. Подобные эмоции наблюдались среди репатрируемых, которые впервые после многих лет плена получали возможность посетить православный храм²⁵. Эмоциональные срывы в виде плача или депрессивного настроения часто провоцировали несбывшиеся ожидания маленького чуда к очередному религиозному празднику: посылки, улучшения пищи, освобождения от работ²⁶. Беспрецедентные политические события на родине также не способствовали стабилизации эмоционального мира. Один из военнопленных офицеров после прихода известия об отречении императора признавался: «Как только я прочитал в газете новости, я плакал и молился. Они легли мне тяжелым камнем на сердце. Что будет?»²⁷.

²² SaechsHSta, 11352, Stellv. GKdo, Nr.620.; 11348, Stellv. GKdo, Nr. 150.

²³ SaechsHSta, 11248, Saechsisches Kriegsministerium, Nr. 6954.

²⁴ *Успенский*. 1933; а также: Eindruecke eines Seelsorgers... S. 24.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-6171. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.

²⁶ См., напр.: ГАРФ. Ф. Р-6656. Оп. 1. Д. 1. Л. 3. Ф. Р-7494. Оп. 1. Д. 3. Л. 74. Ф. 5815. Оп. 1. Д. 14. Л. 74.

²⁷ SaechsHSta, 11352, Stellv. Generalkommando, Nr. 641.

Естественно, эмоциональная палитра плена была значительно богаче: источники содержат упоминания радости от получения вестей из дома, веселья при просмотре спектаклей лагерного театра, надежды при начале отправки на родину. Все же упоминание позитивного эмоционального фона плена является в эго-документах исключением.

Траурный ритуал как средство коммуникации эмоций за колючей проволокой

Большинство из описываемых военнопленными проявлений чувств: страха перед смертью, вины перед умершими, боли одиночества, тоски по родине – компенсировались в траурных церемониях, ставших фактически единственным санкционированным немецкой стороной ритуалом коллективного действия. При поддержке комендатур похороны умерших военнопленных превращались в торжественный ритуал, совмещавший в себе черты военного погребения и церковной службы. На похоронах, открытии памятников и возложении венков обязательно присутствовали немецкие офицеры и солдаты охраны в парадной униформе, комендант произносил торжественную речь, а похороны офицеров завершались ружейным залпом. Почти сразу же в лагерях появилась традиция дня поминовения усопших с церемониальным шествием, возложением венков и проведением богослужений. В случае захоронения на городском кладбище на эту церемонию допускались и представители местного населения²⁸. В смешанных лагерях делегации составлялись из равного представительства каждой национальности, соответственно проповеди читались священниками разных конфессий. Мероприятие обычно сопровождалось игрой немецкого военного оркестра и церковными песнопениями лагерных хоров²⁹. После Февральской революции через использование цветов национального флага для украшения могил пленные стремились подчеркнуть идентичность умерших товарищей как борцов за национальное дело. Приход к власти в России большевиков придал траурному ритуалу в лагерях классовый оттенок: памятники сооружались отныне «дорогим товарищам, павшим в честь капитала»³⁰, а опубликованные на родине воспоминания посвящались «всем погибшим под железной пятой империализма, умершим от голода и болезней в условиях ужасного германского плена»³¹.

²⁸ ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 110. Л. 191.

²⁹ См.: Barch, R 1508/1810; R 1508/1814; HStA Stuttgart, M 77/1, Bue. 919; Peter. 1922. S. 332; *Тарасевич*. 1917. С. 10.

³⁰ ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 39. Л. 45.

³¹ *Кириш*. 1925. С. 1.

Значительная часть одного из номеров нюрнбергской лагерной газеты «Сквозняк» за ноябрь 1917 г., посвященная описанию траурного ритуала, изобилует эмоциональными категориями:

«Выступавший от русских начал с того, что охарактеризовал глубокую внутреннюю связь между умершими и теми, кто пришли почтить их память. Горечь расставания с жизнью, страдания от ран и болезней заслуживают почтительной памяти со стороны всех. И вот теперь, когда справедливость справляет свою победу над ложью, когда перед нами открывается свободное и светлое будущее нашей дорогой родины, нам страстно хочется, чтобы мертвые услышали ликующие слова: «У нас на Руси народ победил!» Вам, испытывавшим на себе тяжелое бремя самодержавия, вам не пришлось увидеть свободной России. Но добрая память о зарытых на чужбине товарищах будет жить в наших сердцах, пробуждая к отпору против всякого, кто дерзнет посягнуть на завоеванную свободу. Пройдет бурное время тревог, но страдания жертв, овеванные славой, будут жить в сердцах внуков и правнуков, вызывая благоговение грядущих поколений. По окончании речей русский хор пропел «Коль славен» и «Вечную память». Суровые лица солдат хмурились, а женщины, стоявшие позади, плакали, потрясенные волнующими напевами чужестранной печали»³².

Цитата ярко демонстрирует, что похороны и поминовения соответствовали сложившимся социальным стандартам коммуникации индивидуального страдания³³ и стали способом преодоления страхов, печали и чувства вины перед умершими, формирования лагерной идентичности, а также отвлечения от рутины лагерной жизни. Приемлемость такого способа коммуникации эмоций отчасти объясняет факт приверженности пленного сообщества религиозным кодам вопреки размаху атеистической советской пропаганды в лагерях³⁴. Тематизация чувства вины выживших и скорби по погибшим стала одной из основ образования «социальных сетей» военнопленных после их возвращения на родину.

Инсценирование эмоций плена в российской/советской институциональной и общественной коммуникации

Как известно, традиционный гендерный порядок приписывал эмоциональность именно женскому началу. Суровый и сдержанный идеал воина не предполагал проявления излишней чувствительности. Тем не менее, в заметках сестер милосердия, посещавших лагерь военнопленных в Германии, часто упоминаются проявления чувств, не свойственных мужчинам в обычной ситуации, тем более, кадровым военным: «...Полковник беззвучно зарыдал, слезы были на глазах у всех офицеров,

³² Сквозняк. 1917. № 2.

³³ Подробнее см.: Winkel. Op. cit. S. 286–303.

³⁴ Подробнее о религиозных практиках русских военнопленных в немецких лагерях см.: Нагорная. 2008. С. 156–164.

с ними плакала я»³⁵, или: «тысячи пленных запели «Боже царя храни», пели еле слышно. Тихие рыдания прорывались иногда...»³⁶. Пленные не стеснялись проявления чувств и в рамках публичной дискуссии. Один из военнопленных солдат так описывал свое возвращение из плена в Россию с партией инвалидов через нейтральную Данию: «Когда мы приехали и увидели много народа с цветами и подарками в руках, тогда каждый из нас заплакал от радости и не подумал, что это люди, а ангелы, которые прилетели, чтобы спасти нас из ада, где мы страдали о своих грехах!»³⁷.

Возможным объяснением подобного несоответствия является, во-первых, следование упомянутым выше социальным предписаниям эмоций, которые воюющее общество определило для пленных: моральные и нравственные страдания должны быть настолько велики, что пленным дозволено и даже положено не стесняться в выражении своих мучений. Подобные предписания содержались не только в пропагандистских публикациях, но и в призывах благотворительных организаций к ответственности жертвовать на помощь заключенным немецких лагерей: «Мало изменилась лишь горькая участь военнопленных! ... Широкою волной всегда текли пожертвования народных масс туда, где нужно было подсобить чужому горю и облегчить чужие страдания. Поэтому мы уверены, что не останутся они безучастными к страданиям пленных и не оскудеет рука дающих в оказании им помощи»³⁸; «Граждане! Нескольким миллионам наших братьев томятся в плену»³⁹ и т. п.

Естественно, что сами пленные, пытаясь реабилитировать свое военное поражение или предполагаемое предательство в глазах военных органов и общественности, старательно культивировали ореол мученичества, преувеличивая масштаб «немецких зверств» и своих страданий в лагерях. Теми же эмоциональными проявлениями наполнены обращения военнопленных в Советское бюро в Берлине с просьбой ускорить их отправку на родину: «тоска по родине не дает ни минуты покоя, оставил больного старика-отца и мать. Кроме того оставил жену-невесту, от которой уже больше года не получал известий. Последний раз прошу о содействии в отправке»⁴⁰; «... представьте, очень обидно сидеть в Германии, когда в России строится новая свободная Россия и когда ... дорог

³⁵ Казем-Бек. 1917. С. 45.

³⁶ Отчет сестры милосердия А. В. Романовой... С. 2011.

³⁷ Русский военнопленный. 1917. № 2. С. 1.

³⁸ ВСГ. Киевский местный отдел...

³⁹ Русские военнопленные...

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 9491. Оп. 1. Д. 30. Л. 104.

каждый человек»⁴¹. Один из военнопленных в качестве аргумента указывал на известную всем «сентиментальность бюро товарищей», которые должны проявить сочувствие к солдату, «теряющему надежду повидать малолетних деток, а также свою обновленную родину, которую шесть лет назад оставил в порабощении капитала»⁴².

Можно предположить, что возвращение к традиционному канону эмоциональности произошло только в условиях межвоенной советской действительности при переработке военнопленными своих переживаний в опубликованных воспоминаниях. Излишняя сентиментальность как немужское качество отныне приписывалось в плену политическим противникам. Так К. Левин наделяет представителя партии меньшевиков признаками трусости и эмоциональной несдержанности: «Он нервничал ужасно, сжимал руки, глухо стонал и бегал, расспрашивал: отправят его или нет, – и плакал, и безнадежно прятал в колени черную голову»⁴³. Напротив, в публицистике эмиграции образ страдающих военнопленных больше подходил для описания трагедии русской армии в целом. От лица сестры милосердия П. Краснов воспроизводит уже ставший традиционным облик доведенных до физического и эмоционального истощения пленных: «Первое, что ей бросилось в глаза, были белые русские рубахи и чисто вымытые бледные истощенные страданием, голодом и тоскою лица. Низко, русским поясным поклоном поклонилась она всем и сказала “Россия-матушка всем вам низко кланяется” и заплакала. В ответ на слова сестры раздались всхлипывания, потом рыдания. Вся палата рыдала и плакала»⁴⁴.

* * *

Изучение эмоциональной стороны опыта русских военнопленных Первой мировой войны в немецких лагерях позволяет нам углубить представление о жизненном мире маленького человека в эпоху военных и революционных потрясений. Упоминания позитивных эмоций: радости, веселья, надежды – случайны и выражены опосредованно. Напротив, большинство непосредственных свидетельств военнопленных отражают богатую палитру негативных эмоциональных проявлений: страх перед смертью, скука, чувство вины за попадание к врагу, обида на родину, не сумевшую организовать материальную и политическую под-

⁴¹ Там же. Л. 117.

⁴² Там же. Л. 243. Письма русских военнопленных в Советское бюро в Берлине, 1920 г.

⁴³ Левин. 1930. С. 238.

⁴⁴ Краснов. 1992. С. 25–26.

держку. Представляется, что непосредственной канализации негативных эмоций и эмоциональной нестабильности способствовал траурный ритуал, позволивший не только выразить и смягчить индивидуальное страдание, но также создать и поддержать идентичность маргинального по своему характеру сообщества.

В то же время анализ эмоциональных проявлений позволяет говорить об их инсценированном характере. Путем конструирования определенных шаблонов эмоциональной репрезентации жизни в лагерях, которая соответствовала общественным представлениям о жизни за колючей проволокой, военнопленные стремились пробудить чувство сострадания со стороны государственных институтов и общественности. Примечательно, что при этом произошла девальвация набора эмоций, допустимых для воина. Он был приведен в соответствие с общественными предписаниями: какие чувства и как следует проявлять страдающим в немецких лагерях солдатам и офицерам: пленные открыто плакали, в том числе и в присутствии женщин, преувеличенно активно выражали чувство тоски по родине и семье.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аскольдов А. А.* Памяти германского плена. Прага: Славянское издательство, 1921.
ГАРФ. Ф. Р-5815. Оп. 1. Д. 14. Комитет лагеря Вюнсдорф в общество помощи русским гражданам в Берлине, 1920 г.; Ф. Р-6171. Оп. 1. Д. 4. Бернский комитет помощи военнопленным, 1919 г.; Ф. Р-6656. Оп. 1. Д. 1. Переписка издательства Гаспари, 20.3.1916; Ф. Р-7494. Оп. 1. Д. 3. Переписка Отдела 6 «Россия» немецкого благотворительного общества с лагерями военнопленных. 1921; Ф. 9488. Оп. 1. Д. 39, 110. Письма русских военнопленных в Советское бюро в Берлине, 1920 г.; Ф. 9491. Оп. 1. Д. 37. Письма русских военнопленных в Советское бюро в Берлине, 1920 г.
- Казем-Бек П. А.* Поездка по Германии во время войны русской сестры милосердия. С прибавлением извлечений из отчета по осмотру лагерей ВП. Пг., Сенатская типография, 1917.
- Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма (из записок рядового военнопленного № 4925) 1914–1918. М.-Л., 1925.
- Колосов М.* Воспоминания о положении русских военнопленных в Дании в 1918–1919 гг. – РГАСПИ. Д. 812 (); Ф. 351. Оп. 1.
- Краснов П. Н.* Венок на могилу солдата Императорской российской армии. М.: Страстной бульвар, 1992.
- Левин К. Я.* Записки из плена. М., 1930.
- Мартынов М.* В цепях реакции. – РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 817.
- Нагорная О. С.* Религиозная жизнь русских военнопленных в немецких лагерях Первой мировой войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 156–164.
- Отчет сестры милосердия А. В. Романовой // Вестник Красного Креста. 1916. № 6.
- Письма военнопленных в КЗО РСДРП. 1917 г. – РГАСПИ. Д. 178–179.

- Плампер Я. Введение 1. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера и др. М.: НЛЮ, 2010. С. 11–36.
- Плампер Я. Страх в русской армии в 1978–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И. В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 453–460.
- Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии // Первая мировая война 1914–1918 гг. Россия: Документы, листовки, воззвания. (Коллекция Российской публичной исторической библиотеки).
- Русский военнопленный. 1917. № 2.
- Сквозняк. 1917. № 2.
- Тарасевич А. В. Отчет по обследованию лагерей и мест водворения русских военнопленных в Австрии и Венгрии. М.: Гор.тип., 1917.
- Успенский А. А. В плену. Ч. 1, 2. Каунас, 1933 // Сайт проекта «Русская армия в Первой мировой войне». URL: <http://www.grwar.ru/library/Uspensky-capt-1/> (время доступа 13.09.2010).
- Шамурин Ю. Два года в германском плену. М.: Образование, 1917.
- Bellebaum A. Langweile, Ueberdruss und Lebenssinn. Eine geistesgeschichtliche und kultursoziologische Untersuchung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990.
- Berichte des Herren C. de Marval und der Herren A. Eugster und C. de Marval ueber ihre gemeinsamen Besuche einiger Kriegsgefangenenlager in Deutschland und Frankreich. Basel, 1915.
- Bundesarchiv, R. 1508/1810, Kommandantur Gardelegen, 27.9.1916; R 1508/1814, Kommandantur Worms, 14.10.1917.
- Eindruecke eines Seelsorgers (Pfarrer Correvon). Frankfurt am Main, 1916.
- Greiner B. Angst im Kalten Krieg. Bilanz und Ausblick // Greiner B., Mueller Chr. Th., Walter D. (Hg.) Angst im Kalten Krieg. Hamburg: Hamburger Edition, 2009. S. 7–31.
- Hauptstaatsarchiv Stuttgart, M 77/1; M 77/2.
- Kessel M. Gefühle und Geschichtswissenschaft // Schützeichel R. (Hg.), Emotionen und Sozialtheorie. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2006. S. 29–47.
- Neckel S. Kultursoziologie der Gefühle. Einheit und Differenz – Rückschau und Perspektiven // Schützeichel R. (Hg.), Emotionen und Sozialtheorie. Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2006. S. 124–139.
- Peter J. Ein deutsches Gefangenenlager. Das große Kriegsgefangenenlager Ingolstadt, geschildert von seinem Kommandanten // Süddeutsche Monatshefte. Jg.18,2 (1921/22). S. 321–372.
- Saechsisches Hauptstaatsarchiv, 11352, Stellv.General Kommando; 11348, Stellv. GKdo; 11248, Saechsisches Kriegsministerium.
- Winkel H. Soziale Grenzen und Möglichkeit der Kommunizierung von Trauer. Zur Kodierung von Verlusterfahrungen als individuelles Leid // Schützeichel, R., (Hg.), Emotionen und Sozialtheorie, Frankfurt am Main: Campus Verlag, 2006. S. 286–303.

Нагорная Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета; nagornaja.oxana@mail.ru